

Коллекционер

Глава адвокатского бюро «Александр Добровинский и партнеры» – человек публичный. В интервью журналам не отказывает, часто появляется на телевидении. Он не только известный юрист, но и страстный коллекционер. Именно он первым стал собирать предметы советской эпохи, причем не как курьезы, но как произведения подлинного искусства.

О предыстории своего увлечения Александр Добровинский рассказал нашему журналисту

Говорить, что я обогнал время, и уж тем более называть себя провидцем я бы не решился. Мне просто повезло. Я сумел посмотреть на то, что окружало советского человека отстраненным взглядом. В период агонии Советского Союза люди были озабочены одним: поскорее избавиться от всего, с чем приходилось существовать на протяжении нескольких десятилетий. Мебель, фарфор, да и вообще все без исключения предметы, ассоциировавшиеся с унифицированным советским образом жизни, раздражали и нервировали, напоминая о коммунальном быте и железном занавесе.

У меня подобного синдрома не было. Вся сознательная жизнь прошла на Западе и, несмотря на пионерское детство, я успел превратиться в иностранца. Поэтому-то, наверное, и сумел разглядеть то, что для других пока было сокрыто: все негативное отступало на второй план, настолько неподражаемы были эти вещи.

Вместе с западными туристами и несколькими бизнесменами-иностранцами я ходил по антикварным магазинам, которые именовались в ту пору комиссионками. В любом из них, помимо отдела second hand, имелся собственно антикварный отдел; правда в Москве было два настоящих антикварных — на улице Кирова (ныне вновь именуемой Мясницкой) и Арбате. Вкусившие первые глотки свободы соотечественники гонялись за наследием «проклятого прошлого», олицетворением которого им представлялись живопись XIX столетия, миниатюры и мебель из карельской березы, а иностранцы охотились за русской экзотикой. Причем не только палехскими шкатулками, жостовскими подносами и самоварами, но и за входившими в моду агитфарфором, плакатами и графикой.

Не сомневаюсь, что живопись, подобную пейзажам наших корифеев Шишкина и Айвазовского, о которой мечтают нынешние нувориши, можно обнаружить в истории искусства каждой европейской страны — лучше или хуже. А вот аналогов работам

*Карманный несессер «Воин РККА!
Принесем свободу Суоми!»
Федоскино.*

*Внутри несессера, расписанного
на тему советско-финской войны
1939 года, — коробка для перьев
и игральные карты с деталями
знаменитой винтовки Мосина;
с помощью необычных карт
солдаты изучали сборку оружия*

Родченко, Татлина, Степановой, Пименова или Самохвалова не найти нигде. Точно так же, как не найти что-то, даже отдаленно напоминающее советский агитфарфор и «агитлак» (кстати, последний термин можно считать моим личным изобретением), — расписные шкатулки из папье-маше — наше советское know how. Коллекцию агитлаков я вообще сегодня считаю гордостью своего собрания. (Напомним, что коллекция фарфора Александра Добровинского насчитывает более трех тысяч предметов. О ней мы обязательно расскажем в следующих номерах журнала. — Ред.)

Вообще-то начал я с фарфора: в 1989 году в моей московской квартире появилась первая фарфоровая фигурка пятидесятых годов. Приятели посмеивались, водили пальцем

у виска и видели в советских статуэтках лишь курьез эпохи, а я, на первых порах интуитивно, догадывался, что за всей этой аляповатостью и варварством скрывается что-то необыкновенное, ни на что абсолютно не похожее. Ведь, в отличие от них, мне было с чем сравнивать.

Конечно, и я понимал, что чернильница с головой Ленина — анекдот. Но художественное качество каждого предмета, а главное, его самобытность, искупали это сполна. Прочно отгородившись от мировой цивилизации, СССР годами существовал в некоей самоизоляции, что создало огромное количество минусов (которые мы расхлебываем и по сей день). Но и — множество плюсов. Одним из них стала уникальная ситуация в которой были вынуждены «творить» деятели искусства.

Блокнот-бумажница. Палех, 1927.

Мастер И. Голиков.

Уникальная деталь — карманная ручка-карандаш, которую носили в нагрудном кармане.

В блокноте ручка служила замком-защелкой

Луна из настольного письменного прибора.

Палех. Мастер П. Баженов

Советскому живописцу, скульптору или графику не приходилось искать покупателя или «отдаваться» галеристу. В отсутствии рынка магическое словосочетание «государственный заказ» решало все вопросы.

Госзаказ был единственным кормильцем художника, начиная с 1930-х и вплоть до середины 1980-х. Эта короткая, непонятная для западного человека эпоха существования «вне рынка», которой уже не суждено повториться, создала своеобразный творческий феномен. Художник всецело зависел от государства, на которое работал и которому всецело подчинялся. Ему некуда было смотреть, не у кого учиться (разве что у старших товарищей, успевших до 1917 года повидать мир). Вместе с тем, имея «стабильный» доход, он мог позволить себе роскошь Артиста

творить для себя. И вот вам результат: самобытное искусство. Так было во всех областях. Даже в спорте. Когда в 1956 году советские хоккеисты впервые вышли на лед стадиона в Кортина-д'Ампеццо спортивный мир опешил: они играли в хоккей, но советский хоккей был совершенно не похож, на то, к чему привыкли Европа и Америка.

Со времени моего возвращения в Москву прошло более пятнадцати лет. И теперь уже не я один, а многие из моих друзей тоже с интересом смотрят на длившийся более семидесяти лет советский этап русской истории. За давностью лет всё негативное забылось, юношеские годы окрасились романтическим флером. Ведь так приятно вернуться в собственную молодость, даже если она пришлась на эпоху «застоя».

«Незабываемая встреча».
На коробке воспроизведена известная картина Василия Ефанова, яркого представителя «аплодисментного стиля» в советском искусстве 1930-х.

*Лампа из настольного
письменного прибора. Палех.
Мастер А. Котухин*

*Пресс-папье. Палех.
Черный лаковый фон, монохромная
гамма и тончайший узор —
типичные черты старинного
палехского тисья*

Рамка «Лучшему коллективу в деле соблюдения социалистической законности». Палех, 1937. Мастер Салабано

Благодарим А.А.Добровинского за любезное разрешение воспроизвести предметы из его личной коллекции

ПАЛЕХ

Русский народно-художественный промысел лаковой миниатюрной живописи. Отличительная особенность палехского стиля – черный лаковый фон и линейное, узорное письмо, доставшееся в наследство от владими́ро-суздальских иконописцев.

ФЕДОСКИНО

Традиционный народный художественный промысел миниатюрной росписи лаковых изделий. Школа миниатюрного письма маслом по лаку, перламутру, сусальному золоту и серебру зародилась в подмосковном селе еще в XIX столетии.

ПАПЬЕ-МАШЕ

(фр. papier mache – жеваная бумага)

В России изделия из папье-маше стали расписывать по покрывавшему их лаку с конца XIII века. В селе Федоскино производили так называемые «лукутинские лаки» (по имени владельца фабрики Лукутина); у них эту технику заимствовали Палех, а затем Мстёра, Холуй и другие народные промыслы.

Pen World

ЖУРНАЛ О МИРЕ ПИСЬМА ДЛЯ ЦЕНИТЕЛЕЙ РОСКОШИ

Эти и другие материалы журнала «Мир Ручек»
Вы можете найти на сайте www.ElitePen.ru

Copyright © ООО «Мир Ручек»

Все права на материалы охраняются в соответствии с законодательством РФ.
Любое использование возможно только с письменного разрешения правообладателя.